

«И в веселии иногда щемит сердце; и концом радости бывает печаль» Еккл.

Сон оборвался на самом интересном.

Жены рядом не было, дверь в комнату была открыта.

Он прислушался; из ванны едва слышался шелест душа. Закрыв глаза, прокручивал фрагменты сна: торчащий и твёрдый, как камень, член, недвусмысленно говорил о его содержании.

Он ещё раз прислушался к шелесту воды в ванне и, обхватив и, сжимая член правой рукой, стал дрочить. Левой, захватив яйца, мял их, вызывая ещё большее возбуждение, торчащего, как палка, члена.

Телефон жены вернул из грёз в реальность.

Встал, обернувшись покрывалом и, взяв телефон, снова лёг: — алло?

— Митя... — в голосе слышалась лёгкая растерянность, — а Тани дома нету?

— Здравствуйте, Ксения Аркадьевна. Нет, она дома — продолжая дрочить, держал телефон в левой руке.

— Митя, я с дачи, набрала малины ведёрко, возьмёте?

Дыхание становилось прерывистым, и он перестал дрочить, чувствуя, что вот-вот сольёт.

— Да, возьмём, Ксения Аркадьевна.

— Митя, я с остановки, минут через пять буду.

— Хорошо, Ксения Аркадьевна.

Вошла жена, обёрнутая красным махровым полотенцем — Кто звонил?

— Ксения Аркадьевна, ягоды несёт. Наверное, уже к подъезду подошла.

— Руку вытащи из-под одеяла, а то оторву по локоть — и, размотав полотенце и, встав перед зеркалом, стала сушить волосы.

Через минуту, повесив полотенце на ручку двери, натянула платье и, выйдя в прихожую и, расчёсываясь перед зеркалом, прислушивалась к звукам в подъезде.

Услышав, как дёргаются двери лифта, взяла ключ и открыла дверь, не дожидаясь звонка: — Здравствуйте, Ксения Аркадьевна.

— Здравствуй, Танечка. Вот, малины с утра набрала.

— Ой, Ксения Аркадьевна, так неудобно, Вы бы позвонили, Митя к вам пришёл бы.

— А я позвонила на твой номер, а взял Ми... — она осеклась и уставилась на, вышедшего в прихожую, Митю.

Таня оглянулась: муж в шортах, стоял, держа футболку в левой руке.

Таня повернулась к Ксении Аркадьевне, но её застывшие глаза и, расширяющиеся зрачки, заставили снова обернуться, проследив траекторию взгляда женщины; у мужа выпирал член, оттопыривая шорты.

Таня улыбнулась ему, скосив глаза вниз — к шортам и, сразу же, метнув взгляд к дверям комнаты: Митя повернулся и шагнул в комнату.

— Пройдёте, Ксения Аркадьевна? Я освобожу ведёрко.

— Да, Танечка, отдашь ведёрко по..

Таня обернулась: муж стоял в прихожей, держа футболку в правой руке. Она опустила взгляд и ей показалось, что член выпирает ещё заметнее. Скривив губы в улыбке и, обращаясь к

Ксении Аркадьевне, она шагнула вбок, пытаясь заслонить мужа.

Но, Ксения Аркадьевна, застывшим взглядом, не мигая, смотрела на торчащий член Мити, через её плечо.

Таня обернулась и повторила жест глазами: Митя снова зашёл в комнату.

— Сколько я вам должна, Ксения Аркадьевна, сколько здесь килограмм?

— Ой, Таня, по чём малину сейчас продают? Ну, давай 100 рублей за кило? Ведёрко пятилитровое, я набирала с верхом, но она усела, четыре с половиной ки..

Таня обернулась: муж, уже в футболке, стоял в прихожей. Член заметно оттопыривал футболку.

— Ну, чего тебе, Митя?

— Здравствуйте, Ксения Аркадьевна. Я, поздороваться хотел — Митя улыбнулся женщинам и вернулся в комнату.

***

Пересыпав и, убрав ягоды в холодильник, она зашла в комнату.

Муж заправлял кровать.

— Митя, ты что?! У тебя же стоял, и она видела, что он стоит! А ты ещё, как специально, три раза выходил!

— Да, ну, не видела она.

— Видела, видела — Таня улыбалась — она даже говорить не могла. Я же шагнула, чтобы она не видела, а она, всё равно, через моё плечо пялилась.

Он заправлял кровать, пряча от жены улыбку.

Она, вдруг, сдёрнула с него шорты и, обхватив сзади и, щупая член и яйца, толкнула на кровать и, упав вместе с ним и на него, стала елозить по голой жопе лобком.

Он попытался повернуться.

— Лежи так и не шевелись.

— Ты что делаешь?! — его разбирал смех

— То самое — она тоже смеялась, продолжая елозить.

— А куда? — он уже не сдерживал смех, задыхаясь.

— Туда

— Куда, туда?

— Ну, туда, туда.

— В жопу?! А чем? — и он стал двигаться навстречу её движениям.

— Голубятня — она уже не могла двигаться, давясь смехом.

Он вывернулся и, скользнув ладонями к ягодицам, притянул её, задирая платье.

Сжимая ноги и упираясь в грудь мужа, смеясь и задыхаясь, Таня пыталась вырваться из его объятий, но он прижимал её сильнее, подтягивая выше и направляя член между ног.

— Отпусти!

— Нет, я хочу, сильно хочу

— А я не хочу! Отпусти, мне на работу

— Митя, продолжая сжимать жену, пытался коленом раздвинуть её ноги

— Мне больно — она уже не смеялась — отпусти, опять синяки будут. Считаю до одного — зелёные глаза потемнели.

Он разбросил руки, и она встала, оттолкнувшись от его груди.

Член стоял, задрал головку, яйца поджались. Она наклонилась и, обхватив член пальчиками,

поцеловала.

— Ещё раз! Я не видел, как ты целовала его.

— Она наклонилась и, захватив и, сдавливая яйца, скосив глаза, поцеловала головку, засасывая.

— Ещё! Сильно приятно.

— Хватит! Одень шорты, умойся, побрейся и иди завтракай. Малину помой, если будешь есть. Приду, сварю варенье.

***

Ксения Аркадьевна мылась под душем, а перед глазами стоял Митя с оттопырившимися шортами. Она почувствовала, как краска стыда заливает лицо; её обожгла догадка — они еблись, когда она позвонила. Стало понятно, почему телефон взял Митя, а не Таня, и почему он говорил с придыханием, и почему у него стоял, когда он вышел в прихожую. Её снова обожгло стыдом от мысли — а Митя разве не чувствовал, что у него стоит?

Она отдёргнула руку, заметив, что ласкает губы, касаясь клитора.

Завернувшись в полотенце и, сидя на диване, вспоминала мужа, умершего пятнадцать лет назад. Он пил и бил её и, допившись до белой горячки, умер во сне. Она вспомнила, как тихо радовалась тому, что он её больше не бьёт, не ругает грязными бранными словами; тому, что не нужно больше стирать обоссанные штаны, обоссанное и даже обосранное, постельное бельё, не нужно мыть за ним блевотину на кухне и в спальне..

Она опустила глаза — правая рука, зажата между ног, вызывала в памяти забытые ощущения.

Ксения Аркадьевна вздохнула и, сцепив руки на коленях, снова погрузилась в воспоминания. У дочерей с мужьями не заладилось и она, помогая им растить внука и внучку, в заботах и хлопотах не заметила, как подступила старость. Она горько усмехнулась: мужчине так и не нашлось ни места, ни времени в её жизни после смерти мужа.

Одевшись в халат и, повесив на балконе полотенце, прошла на кухню и включила чайник. Достала молоко из холодильника, нарезала хлеб и сыр, набрала в вазочку варенья из виктории, села за стол и задумалась, вспоминая, как познакомилась с Таней и Митей.

В конце 90-х она работала в магазине уборщицей. Митя работал в этом же магазине грузчиком. Увидев его в первый раз, Ксения слегка растерялась: Митя явно не вписывался в коллектив. Ей даже показалось, что он случайно зашёл в магазин через дебаркадер: ещё не было 9 часов, а магазин открывался в 9 утра. Но Митя прошёл к холодильнику и, открыв дверь, стал выносить цветы в вазах, которые торговка-армянка убирала на ночь, чтобы не задохнулись: ночи в июне были душные.

Электрик Васильич, рассказал, когда она спросила у него про Митю, что Митя инженер, конструктор и грузчиком устроился работать, потому что зарплату платили, хоть и небольшую, но вовремя и без задержки; а на заводе, где он работал перед тем, как устроиться в магазин, зарплату, хоть и побольше, задерживали аж семь месяцев!

— До чего, сука, Эльцин, страну довёл — сокрушался Васильич, — да разве работал бы я в магазине.

— Васильич, а тебе не показалось, он на артиста похож. — Может и похож. Мы все в этой жизни артисты — философски изрёк Васильич и, подорвавшись, с масляной улыбкой на лице, поспешил, ссутулившись и ужавшись, навстречу хозяину магазина, протягивая обе руки для приветствия.

Она почему-то стеснялась обратиться к Мите за помощью, когда нужно было набрать воды в туалете: женский туалет закрывали на ключ и за ним нужно было подниматься на второй этаж в бухгалтерию. Но, Митя, сам, предложил помощь, увидев её с пустым ведром и шваброй, рядом с мужским туалетом.

А с Таней она познакомилась уже после того, как Митя, уволился из магазина.

По возрасту, Таня была ровесницей её младшей, к тому же оказалось, что они землячки и, даже, из одной деревни.

С Таней было легко общаться; в отличие от большинства женщин, работавших в магазине, она не была болтлива, и никогда не говорила за глаза о других.

Она вспомнила про чай, когда зателенькал сотовый.

— Ба, ты уже дома?

— Да, Юленька, чай пью, — она взяла чайник и залила пакетик в кружке кипятком.

— Ба, я щас поднимаюсь, мы с Андреем у подъезда.

Она добавила в чай молока и, встав из-за стола, достала ещё две чашки и поставила на стол. Тренькнул звонок и она, открыв дверь и, впустив внучку, приобняла и чмокнула её.

— А Андрей?

— Ба, да мы щас на дачу съездим, ягод хотели набрать. Ты нам оставила? Мама говорила картошку надо окучить.

— Да я уж окучила.

— Ба, ну мама же просила тебя, мы бы сами.

— Ой, да там картошки то, полсотки. Я за полчаса управилась, да и не жарко с утра. Когда поженитесь?

— Ба, ну, мы как бы женаты, гражданским браком

— Это не гражданский брак, это сожителство — Ксения поджала губы.

— Ну, а муж и жена чем занимаются? Тоже сожительствуют, только со свидетельством

— Чай будешь?

Юлька мотнула головой и, выйдя из кухни, зашла в туалет. Через минуту зашумела вода в унитазе и Юлька, выйдя из туалета, зашла в ванну.

— Ну ладно, ба, — Юлька улыбалась — я побежала — и, махнув рукой, пошла в прихожую.

Щёлкнул замок, скрипнула дверь и неслышно закрылась; ожил лифт, с лязганьем открылись и закрылись двери и лифт пошёл вниз, унося шум и Юльку.

Ксения сидела и смотрела в окно. И вдруг поймала себя на мысли, что вспоминает Митю, с его, бесстыдно торчащим членом. Она попыталась думать о Юльке, но перед глазами возникал Митя: «Я поздороваться хотел». Она усмехнулась и встряхнула головой, но подсознание, с упорством маньяка, подсовывало Митю. Она ужаснулась, осознав, что мысленно пытается снять с Мити шорты, чтобы увидеть его. Но шорты не снимались, распаляя воображение.

***

Таня лежала на кровати, в ногах у неё сидел Митя и, держа на коленях Танины ноги, пилкой подчищал ногти. По телевизору шли новости, после которых, должны были показать очередную серию «Великолепного века».

Митя отложил пилку и стал массировать пальчики и стопы ног жены.

— Боже, твои руки — Таня смотрела на Митю с улыбкой блаженства на губах, в глазах блестели слёзы.

Митя улыбнулся и, склонившись к ногам, стал осторожно, ногтём, тереть заусенец на среднем пальчике левой ноги. Стараясь не оторвать, чтобы не было крови, двигал заусенец подушечкой пальца и прицарапывал ногтём.

Рот наполнялся слюной, и Таня сглотнула, открыв глаза: — чуть слюной не захлебнулась, так приятно..

— Где приятно?

— Здесь и здесь — Таня коснулась рукой низа живота и груди.

— А где сначала?

— Там — она показала глазами на живот.

— А, там, где? — он положил руку на живот и медленно повёл вниз, задержав на лобке, Она качала головой.

Митя сдвинул ночнушку и, пальцами сжав губы, стал мять их.

— Наглёоож! — Таня выключила телевизор и, отложив пульт, закрыла глаза.

Митя ласкал пальцами губы, раздвигая и погружая указательный, во влагалище.

Таня, взяв, его руку, своими, прижала к промежности и сдавила ногами.

Левой рукой, Митя потянул лямку ночнушки, оголив грудь и захватив, мял её, касаясь сосков ладонью.

Таня отпустила его руку, раздвинула ноги — Иди ко мне... свет выключи..

— Зачем выключать, я хочу смотреть на тебя

— За тридцать лет не насмотрелся, выключай

Митя привстал, и потянулся к выключателю, правой рукой прикрывая член.

Таня хмыкнула — Чё ты прячешь? Я всё равно вижу его, даже когда ты одетый. Тебе как, коровкой сзади или спереди?

Он лёг на неё.

— Ты раздавишь меня

Митя опёрся на локти.

— Ты весь дрожишь, как будто в первый раз. Тридцать лет трахаешь, неужели не привык? — Таня гладила его спину, — дай я ноги разведу.

— Не надо

— Ты мне губы зажуёшь

Митя отодвинулся, и Таня развела, сжатые в коленях, ноги.

Он опустился, ткнувшись в губы головкой.

— Дай я сама — и она, придерживая и, направляя член правой, левой раздвинула губы.

Митя медленно опустился, погружая член во влагалище.

— Хорошо?

— Горячая и влажная — и он, также, медленно, двинулся назад.

— Ты зачем вытащил его?!

Но, Митя, уже опустился, погрузив член во влагалище.

Головка коснулась какой-то точки и от этого прикосновения кольнуло кончики пальцев и Таня, станом, выгнулась навстречу, приподнимая себя и Митю.

— Аааа — второе прикосновение вырвало стон из её груди.

Митя улыбался, наблюдая за лицом жены: у Тани были закрыты глаза и губы кривились, как от боли.

Впиваясь пальцами в ягодицы, она прижимала его к лобку и удерживала, подчиняя своему

ритму, и нежно поглаживала, когда он двигался не нарушая ритма.

— Давай сзади — Таня открыла глаза.

Митя встал на колени, и Таня повернулась и легла на живот, приподняв попу.

Опираясь левой рукой, пальцами правой раздвинул губы, направляя член во влагалище.

— Ой! Ниже, ты в мочево́й тычешь.

Он сдвинулся — Даа, так хорошо, даа

Головка тыкала в точку, и Таня, выгибаясь и приподнимая попу, усиливала наслаждение.

— Рукой

Митя протиснул правую руку под её живот и, нащупав клитор, ласкал его круговыми движениями пальца — аа... аа... аа

От её стонов рот самопроизвольно растягивался в улыбку

— Ты кончил?

— Нет

— Мне показалось ты сливаешь... аа... аа... ещё

Митя вытащил правую руку из-под её живота и двигался резко, засаживая член и ускоряя темп

Таня задыхалась, хватая ртом воздух и не могла вдохнуть. Яркими вспышками нахлынул оргазм; из груди вырвался хриплый, протяжный стон и она обмякла и затихла.

Митя продолжал ебать жену, доводя себя и, застонав от наслаждения, весь содрогнулся, когда сперма, пульсирующими толчками излилась во влагалище.

****

Ксения Аркадьевна смотрела по телевизору очередную серию «Великолепного века».

Она пыталась сосредоточиться на сюжете, но не смогла и, выключив телевизор, встала и разобрал диван и, застелив постель, пошла в туалет.

Сидя на унитазе поймала себя на мысли, что пытается представить, как Митя делает это: как писает, как какает.

— Да что за наваждение?! — тряхнула она головой и, оторвав от рулона кусок бумаги, приложила к губам и, закрыв крышку, спустила воду.

Она долго ворочалась и всё никак не могла заснуть. Закрывала глаза и видела Митю в шортах, с футболкой в руке: «я хотел поздороваться»...

.. Обнажённый мужчина стоял к ней спиной, а на его торчащем, длинном и толстом как хобот члене, сидели две жопастые и грудастые рыжеволосые девки. Их ноги болтались в воздухе.

Крайняя девка схватила Ксению за руку и, соскочив с члена, визгнула: — Садись!

Ксения оседлала член, заметив, что у девок нет лиц и не удивившись этому.

Соскочившая девка встала раком и раздвинув ягодицы пятилась пытаясь насадиться на член, но не смогла.

— Помоги — визгнула она и Ксения, обхватив член направила его в... на этот раз она удивилась: у девки была только одна дырка: — а как же? — не успела она подумать — у дырки появились губы и рыжие завитушки волос, и девка с визгом натянулась. В следующее мгновение вместо пизды обрисовался анус и, тужась и краснея ягодицами, девка выдавливала из себя член, словно говно. — Еби — визгнула девка — и Ксения, сжав её бёдра, стала натягивать девку. Задняя девка сжимала бёдра Ксении и елозила её по члену, а её бёдра сжимал он и тоже елозил.

Раздвинувшейся вульвой и промежностью Ксения чувствовала упругую бугорчатость вен, а

ляжками, атласную нежность кожи, скользящего между ног члена.

Они втроём ощутили, как он содрогнулся, и услышали, как по уретре с шумом запульсировала и потекла из ушей девки и выдавливалась из, не то жопы, не то пизды, сперма.

Ксения проснулась. Простынь под нею была мокрой. Она сдвинулась и тут же снова заснула. Остаток ночи спала без снов.

***

Проснувшись утром, Ксения Аркадьевна почувствовала боль в лобке и зуд клитора. радиоприёмник, тщетно пытающийся поймать волну и спросил, срывающимся голосом: — Кто там?

Митя молчал, всё ещё на что-то надеясь..

— Митя, это ты?

...

— Митя..

— Я, Ксения Аркадьевна — он попытался вдохнуть полной грудью и не смог.

Домофон запиликал, мигая красной лампочкой, и Митя открыл дверь.

Она жила на седьмом этаже, и он пошёл пешком. На лифте было бы слышно, как он приехал, а Мите почему-то не хотелось, чтобы она ожидала его, приоткрыв дверь.

... пятый... шестой... сердце колотилось и его удары отдавались в висках через раз..

седьмой... она ждала его, приоткрыв дверь.

***

Она ждала его, приоткрыв дверь.

— Здравствуйте — голос просел, он так и не смог вдохнуть полной грудью.

Она раскрыла дверь, пропуская его.

Он шагнул в прихожую.

Она закрыла дверь и отступила на два шага.

Митя разулся и взглянул прямо в глаза Ксении Аркадьевне.

Она пыталась улыбнуться, но рот кривился и губы вздрагивали.

На ней был халат и носки. Халат был запахнут, и она поддерживала его левой, захватив в кулак и прижимая к груди, а правой, теребила тесёмку.

Митя шагнул к ней, и она испуганно отшатнулась, выставив руки.

Под халатом ничего не было. Колыхнулись груди, удивив своей полнотой и чёрный треугольник между ног притягивал взгляд, как магнит.

Митя сделал ещё один шаг — она стояла, не скрывая наготу.

Митя, раздвинув полы халата, скинул его с плеч и, накрыв груди ладонями, мял их, стараясь причинить боль. Она терпела молча, с безвольно опущенными руками.

Он поднял руки на её плечи и, сдвинув левую к затылку, наклонил её голову, одновременно, правой, нажимая на плечо.

Она покорно встала на колени.

Митя расстегнул ремень, потом вжикнул молнию, расстегнул пуговицу — Снимай.

Она стянула с него брюки, а потом и плавки. Торчащий член ткнулся в лицо. Он переступил и отодвинул, снятое, левой ногой. Держа её голову руками, упёрся головкой в губы; они были горячие и сухие. Раздвигая головкой губы проник в рот. Она шевельнула языком, пытаясь лизнуть его. Митя снял с себя футболку и снова обхватив её голову стал двигать ею

проталкивая головку к горлу. Она подняла руки и держалась за его ягодицы.

Когда она смогла заглотить, преодолев рвотный инстинкт, он притянул голову к животу и прижал, удерживая.

...

Прошло с полминуты и она, задыхаясь и упираясь кулачками в его бёдра, и напрягаясь, пыталась отстраниться, но он с силой удерживал её, пока не опали руки и она, теряя сознание, сползла на пол.

Митя перевернул её на живот и, встав над ней на колени прижал головку к анусу. Рот был полон слюны, и он, отстранившись и склонившись, выпустил слюну в ложбинку и, тычась головкой, размазывал слюну стараясь попасть в анус. Когда головка проскользнула в анус он резким движением погрузил член в жопу.

Она вскрикнула, очнувшись, и забилась в истерике, но не сопротивлялась и не вырывалась, а только извивалась, содрогаясь всем телом и хрипло, со стоном, дышала.

Митя ебал её в жопу и, усиливая наслаждение, сжимал и раздвигал пальцами ягодицы.

Он застонал в голос, не сдерживаясь, когда изливалась сперма.

Вытащив член из жопы не успел отстраниться, как она, выгнувшись, выплеснула содержимое прямой кишки, забрызгав его живот, пах и бёдра.

Он смотрел на желтоватые потёки каловых масс, с жирно поблёскивающими сгустками спермы, на расплывающееся пятно мочи под её животом, на её заляпанные ягодицы и промежность, и улыбался.

Митя был осведомлён в сексопатологии, прочитав, несколько лет назад, книгу, известного в Советском Союзе сексопатолога, и даже знал, как называется то, что сделала Ксения, завершив половой акт — спастическим отделением экскрементов.

Это не было нормой — это была патология, но Митя испытал наслаждение от ощущения, что это он вызвал такую реакцию в её организме.

Она затихла и лежала не двигаясь.

Митя встал и пройдя в ванну подмылся, тщательно отмывая живот и руки и подтёрся её полотенцем.

Она всё так же лежала без движения, и Митя, подойдя к ней, опустился на колени и, осторожно приподняв голову, повернул. Глаза были закрыты, лицо светилось блаженством. Член болтался между ног и он, приподнявшись и сдвинувшись, опустил его на её лицо. Губы растянулись в улыбку, но глаза она не открыла.

Митя наклонился и, прикоснувшись губами к переносице, сказал — Я пойду?

Она шевельнула ногой, и он встал, оделся и вышел.

...

Два события произошли в жизни Ксении за эти полчаса: она впервые испытала полноценный оргазм и лишилась анальной девственности.

***

Митя шёл домой.

Все ощущения недавнего секса: погружение члена, фрикции, её движения, излияние спермы, стоны его и её — всё это извлекалось из памяти и переживалось ещё раз, доставляя чувственное наслаждение, но уже другого, высшего порядка.

Поднявшись на крыльцо подъезда, набрал номер квартиры и ждал, прокручивая в памяти только что случившееся.

Но домофон молчал, не было даже гудков — «Хм, теперь я её квартиру вызвал?!» — и он набрал ещё раз. Почти сразу же замигала лампочка и щёлкнуло реле магнита — «видела меня из окна или с балкона» — и Митя вошёл в подъезд.

Дверь была приоткрыта, Таня стояла посреди прихожей.

— Чё так быстро? Облом? — она внимательно всматривалась в него.

Митя, стараясь не улыбаться и наклонившись, чтобы снять туфли, ответил — Да, нет, не облом.

— И чем это она тебя так, аж светишься весь?! — голос Тани звенел от напряжения.

— Обосрала.

Таня заржала.

«Пиздец! Две истерички — это уже слишком» — Митя боялся смотреть на Таню.

— Так это не шутка? — Таня почему-то сразу успокоилась.

— Не шутка, так и было.

— Ну, рассказывай.

— Тань, я ведь даже не поужинал.

— Иди мой руки и на кухню, я всё приготовила, тебя ждала.

...

— Ну, рассказывай, рассказывай. Ты её в жопу трахал?

— Да чё, рассказывать, вытащил, тут она меня и обделала. Тань, ну мы же едим.

— Куда?

— На живот, на хуй, на ноги..

— Иихгк — Таня зажала рот рукой, сдерживая рвотный рефлекс — всё, хватит. Щас поешь и в ванну, отмываться, одежду в стирку.

...

Митя лежал в ванне, Таня перебирала бельё и одежду, готовя к стирке.

— Так ты её без презерватива трахал в жопу?! — Таня, сдвинув шторку, стояла над ним, держа в руках презервативы.

— Ну, так получилось, Тань.

— А меня, теперь, только с презервативом будешь!

...

Митя лежал, закрыв глаза, Таня лежала рядом.

— Вспоминаешь? — она, под одеялом, дотронулась до члена — а чё он лежит то, устал?

— Тань, ну, ты же сказала, чтобы не приставал сегодня.

— Зато я буду приставать — она теребила и подёргивала член, и он стал подниматься.

— Ага, встаёт — и она, встав на колени, достала из-под подушки презерватив и натянула на член. Затем села на Митю и, привстав, направляя левой рукой член во влагалище — осела.

...

Он уже давно слил, уже потели подмышки и схватывало судорогой пресс, а Таня, всё еблась и еблась и никак не могла дойти. Несколько раз, она, поглаживая его ягодицы, говорила — Мне хорошо, хорошо..

И только, когда член, обмякнув, стал гнуться, выскальзывая из влагалища, она застонала и выгибаясь, и прижимая его — кончила.

Он лежал на ней, не в силах даже пошевелиться.

Таня, со смехом, чмокала его и говорила — Тряпочкой довёл... ну, и чё разлэгся, продолжим?!

Митя поспешно сполз с неё.

Таня смеялась, обнимая и тиская его — Ты мой! Мой!